

Аmineва Венера Рудалевна, Набиуллина Аделя Наилевна

ЖЕРТВЕННОСТЬ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В ПРОЗЕ И. АБУЗЯРОВА: ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

В статье рассматривается функционирование мифологических сюжетов об Ибрахиме и Исмаиле и о Каине и Авеле в повестях современного этнически нерусского российского писателя И. Абузьярова "Курбан-роман" и "Роман с жертвой". Определены структурно-содержательные уровни, на которых раскрывается тема жертвоприношения: описывается обряд жертвоприношения; тема жертвенности является главной проблемой самосознания героев, трансформируется в мотив самопожертвования, наконец, функционирует на уровне музыкальных аллюзий и реминисценций. Сделан вывод о деконструкции традиционных мифологических сюжетов и о связи темы самопожертвования с мотивом прощения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 10-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.01/.09

В статье рассматривается функционирование мифологических сюжетов об Ибрахиме и Исмаиле и о Каине и Авеле в повестях современного этнически нерусского российского писателя И. Абузярова «Курбан-роман» и «Роман с жертвой». Определены структурно-содержательные уровни, на которых раскрывается тема жертвоприношения: описывается обряд жертвоприношения; тема жертвенности является главной проблемой самосознания героев, трансформируется в мотив самопожертвования, наконец, функционирует на уровне музыкальных аллюзий и реминисценций. Сделан вывод о деконструкции традиционных мифологических сюжетов и о связи темы самопожертвования с мотивом прощения.

Ключевые слова и фразы: русскоязычная проза; миф; тема; мотив; сюжет; обряд; деконструкция.

Аmineва Венера Рудалевна, д. филол. н., доцент
Набиуллина Аделя Наилевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
amineva1000@list.ru; scar-sky@rambler.ru

ЖЕРТВЕННОСТЬ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В ПРОЗЕ И. АБУЗЯРОВА: ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан (проект № 16-14-16010).

Произведения И. Абузярова – современного русскоязычного писателя, лауреата многочисленных премий – привлекали внимание ряда критиков и литературоведов [5; 6; 7]. Однако творчество прозаика как самобытное явление в современном российском историко-литературном процессе до сих пор не получило научно состоятельного и эстетически адекватного осмысления и оценки. Из серьезных литературоведческих исследований заслуживает внимания статья Д. Уффельманна, в которой на примере повести И. Абузярова «Чингиз-роман» исследуется постколониальное восприятие посткоммунистической действительности [8]. Мы рассматриваем творчество И. Абузярова не столько в аспекте постколониального дискурса, сколько как явление культурного пограничья, литературу, которая реализуется в межкультурном диалоге.

В произведениях писателя проявляются характерные для современного историко-литературного процесса тенденции [9]: воспроизводятся и синтезируются одни культурные коды и подвергаются деконструкции другие. С этой точки зрения особый интерес представляет тема жертвы, центральная, доминантная в творчестве писателя. Отвечая на вопрос, почему эта тема так близка ему, прозаик в одном из своих интервью признается: «Мне кажется, жертва – это основная составляющая подлинности человеческого духа и бытия. Только тогда человек по-настоящему любит, когда готов пожертвовать всем, отказаться от себя ради другого» [3]. Темы жертвы и жертвоприношения выполняют сюжетобразующие функции в повестях, образующих своеобразный диптих: «Курбан-роман» и «Роман с жертвой».

Во-первых, в обоих произведениях подробно и обстоятельно описывается обряд жертвоприношения, актуализирующий духовно-нравственные ценности, связанные с мусульманским сознанием¹. Действиями героев, решивших принести в жертву корову на Курбан-байрам в первой повести, движет определенная идея: ««Раббям, прими эту несчастную жертву за бедную Марысю», – произнес вслух Витош то, что все мы уже не раз сказали про себя. И то, ради чего мы здесь собрались и это сделали» [1, с. 10].

Во-вторых, в повести «Курбан-роман» тема жертвенности и любви становится предметом обсуждения молодых людей, собравшихся в «Музыкальном кафе». В разговоре выделяется несколько важнейших аспектов этой темы: что или кто приносится в жертву, во имя чего и кому. Крыся проецирует коллизии жертвы на сложные отношения Стасика, Марыси и Витуси и ставит ряд вопросов, имеющих, прежде всего, нравственно-психологический смысл и касающихся выбора, который совершает человек, принося себя в жертву ради благополучия других. Сначала Витош, затем Витуся и, наконец, Юнус (Юся) вводят эти проблемы в религиозно-философский контекст. Витош объясняет Марысе суть праздника жертвоприношения и рассказывает

¹ В одном из интервью И. Абузяров раскрывает биографический подтекст повести: «В Польше я видел, как польские татары приносят в жертву на Курбан-байрам корову. Не барана, а именно корову. Очень элегантные люди, в черных одеждах» [3].

о готовности пророка Ибрахима принести в жертву Богу своего сына Исмаила. Для Гануси смысл обряда жертвоприношения состоит в том, что Ибрахим и Исмаил ставили любовь к Богу выше любви к человеку. Витош противопоставляет жертву Богу жертве человеку, полагая, что последняя оскорбляет подвиг Ибрахи-ма и не будет принята. В ответ на эти слова Юся акцентирует внимание на том, что жертвоприношение должно совершаться органично и естественно – «из сердца», без участия рассуждающего о нем разума, постоянно – «на протяжении жизни», не требовать вознаграждения, включать в себя готовность в любой момент поступиться жизненно важным для человека [Там же, с. 18].

В «Романе с жертвой» осмысление темы жертвенности и жертвоприношения включается в контекст библейской истории о Каине и Авеле, которую бабушка Хава рассказывает Юсуфу. Она обращает внимание на то, что слово «курбан» означает не только «жертву», но и «приближение». Согласно легенде, «оба брата в своем служении стремились приблизиться к Богу. Но Бог принял жертву Авеля и отверг жертву Каина» [2, с. 158]. Бабушка считает, что причина этого не в том, что братья принесли ему в жертву, а в том, «как они это сделали, с каким чувством собственной греховности и благодарности к Господу своему» [Там же]. И далее, упоминая об Аврааме (Ирахиме), которому архангел Гавриил принес радостную весть о замене Исаака жертвенным барашком, она изрекает следующую непреложную истину: «...запомни, только жертву собой, мы ближе всего можем подойти к Богу» [Там же, с. 158-159]. Юсуф проецирует библейский сюжет о Каине и Авеле на свои взаимоотношения с братом. Детально разработан мотив зависти таланту Марса, которая осложняется мучительной ревностью: Марыйся, в которую безответно влюблен Юсуф, страстно любит Марса. Наконец, запрограммированное библейской легендой братоубийство совершается: Юсуф, снedaемый ревностью, не в силах совладать со своей яростью, горечью обиды и злостью убивает Марса.

В-третьих, тема жертвоприношения раскрывается в повестях через мотив самопожертвования. Форму самопожертвования принимают поступки Марыси («Курбан-роман») и Марыйся («Роман с жертвой»), совершаемые ими во имя возлюбленных. Обе жертвуют своим профессиональным будущим, отказавшись от возможности творческой самореализации – внутреннее важной для них ценности. В первой повести происходит уподобление Марыси жертвенному животному, которое начинается с совпадения имени: Марусенькой доярка Мария, называет корову, избранную для ритуального убийства. У коровы «черные-черные бездонно грустные глаза» [1, с. 8]. Такие же грустные и бездонные глаза и у Марыси. Рассказчик, наблюдая за поведением Стасика, Витуси и Марыси в «Музыкальном кафе», отождествляет Марысю с жертвенным барашком: «А наша Марыся <...> наш кроткий жертвенный барашек, смерти которого мы пытались избежать за счет телки с русским именем, только кротко улыбулась. И ее глаза стали еще более грустными» [Там же, с. 19]. Стасик же оказывается своего рода верховным божеством, принимающим жертвы. В «Музыкальном кафе» он отказывает Марысе в ее просьбе сыграть на скрипке и больно ранит ее. Рассказчик намеренно активизирует мифологический комплекс, вспоминая легенду о Паганини, который, чтобы «лучше играть, натянул на скрипке струны из жил возлюбленной девушки» [Там же, с. 18]. Неслучайной является и аналогия между дрожью музыкальных пальцев Стасика на теплой шее коровы в момент ее заклания и дрожью его рук, держащих «горящую» скрипку: «И теперь он почувствовал ту же дрожь в шее скрипки, струны которой пуповиной шли к Марысе, – кто знает?» [Там же]. Наконец, Марыся становится жертвой уже не в метафорическом, а в реальном смысле, когда вместе с Витусей выступает одним из доноров для находящегося в коме Стасика.

Жертва коровой призвана заменить человеческую жертву. Друзья Марыси, совершившие этот обряд, надеялись на ее чудесное выздоровление. Однако в повести обнаруживается действие иной логики событий, отсылающей к модели древнейшего ритуала и возрождающей его во всей его жестокости, – человеческого жертвоприношения, которое принимает форму самопожертвования. Жертвенность Марыси и Витуси есть высшая реальность, трагическая в своей подлинности, выражающаяся не в обрядовых действиях, а в самой их жизненной практике. Религиозный ритуал жертвоприношения, если и не отменяется, то отступает перед этой жертвенностью, необходимой для продолжения жизни и сохранения внутренней основы бытия.

Сюжет второй повести строится на деконструкции библейской притчи о Каине и Авеле, которая идет по нескольким направлениям. Марс не соответствует своему библейскому прототипу. Подобно Стасику из «Курбан-романа», он оказывается тем, кому подчиняется душа Марыйси, кому нужны ее жертвы, кто требует и принимает их: «Да, если ты меня любишь, – говорит он Марыйсе, – то принеси в жертву то, что действительно для тебя дорого» [2, с. 175]. Образ Юсуфа также выходит за пределы обозначенного библейским сюжетом ролевого поведения. Повествование ведется от лица персонажа и носит исповедальный характер, раскрывая пути осмысления им собственного душевного опыта. Попытка наказать брата за страдания и болезнь Марыйси, протест против жизненных принципов Марса, желание во что бы то ни стало спасти возлюбленную, заставив Марса вернуться к ней, делают Юсуфа почти обезумевшим, но прозревшим. В разговоре с уличным музыкантом-волынщиком, «подлинным мифотворцем этого города» [Там же, с. 184], Юсуф осознает подлинные мотивы своего поведения и понимает, что на самом деле не любил брата, а завидовал ему. И только Марыйся на самом деле жертвует всем ради того, кого она любит. И именно ее жертва – жертва настоящая, та, о которой говорила бабушка Хава Юсуфу. Мотив самопожертвования тесно связывается в этой повести с мотивом прощения, необходимость которого Юсуф осознает в разговоре с уличным музыкантом.

В-четвертых, тема жертвенности раскрывается на уровне музыкальных аллюзий и реминисценций. Герой-рассказчик в первой повести перечисляет оперы, которые заканчиваются жертвой во имя любви: «Травиата», «Риголетто», «Набуко», «Иоланта», «Фиделио» [1, с. 16] и др. Музыкальные аллюзии выполняют, прежде

всего, идентифицирующую функцию: выявляют ролевое поведение героев и предсказывают их трагическую судьбу. Таково отождествление Марьсы с Жизелью, партию которой она танцевала до болезни в Белостокском театре, а Витуси – с Сильфидой. Музыкальные аллюзии подчеркивают различие между жертвенностью Марьсы и Витуси – жертвенностью «вольной» (по терминологии Е. Курганова [4]), являющейся результатом свободного выбора и глубоко осмысленного движения навстречу своей судьбе, и потому тихой, смиренной, и жертвой вынужденной, на которую человек обречен независимым от него стечением обстоятельств.

И Стасик, и Марс уподобляются Н. Паганини. Эта параллель не только указывает на их музыкальное дарование и исполнительское мастерство, но и раскрывает непроявленные в сюжете особенности характеров героев. Данная аллюзия становится своеобразным ключом к пониманию таинственной власти Стасика и Марса над любящими их женщинами, а также их умения манипулировать ими «столь же виртуозно и ярко», как если бы они «играли капризы Паганини» [2, с. 165].

Итак, в диптихе «Курбан-роман» и «Роман с жертвой» процесс ремифологизации сопровождается деконструкцией традиционных мифологических сюжетов об Ибрахиме и Исмаиле и о Каине и Авеле. Для И. Абузярова важен концепт «жертва». Но связанный с ним комплекс универсальных значений трансформируется в тему самопожертвования – принесения себя в жертву ради благополучия других. Это и есть подлинная жертва, которая противопоставляется, с одной стороны, обряду жертвоприношения, а с другой – принесению в жертву другого человека. Значимой для неомифологической реальности, воссоздаваемой в произведениях писателя, представляется связь темы самопожертвования с мотивом прощения. Для одних героев (Марьсы / Марьйсы, например) представленный этим мотивом концепт не проблематизируется, для других (Юсуфа) осознание необходимости прощения означает переход из одного жизненно-идеологического статуса в другой. Особенности функционирования мифологических сюжетов в прозе И. Абузярова раскрывают не только своеобразие творческого метода писателя, принципы его поэтики и стиля, но и характеризуют процессы самоидентификации, свойственные русскоязычной литературе в целом.

Список источников

1. **Абузяров И. А.** Курбан-роман: рассказы. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. 288 с.
2. **Абузяров И.** О нелюбви. Роман с жертвой. Казань: Идель, 2016. 256 с.
3. **Грей А.** Ильдар Абузяров, автор повести Курбан-роман: Я – инородец в русском поле [Электронный ресурс]. URL: kazan.mk.ru/articles/2014/10/01/ildar-abuzyarov-avtor-povesti-kurbanroman-ya-inorodec-v-russkom-pole.html (дата обращения: 01.04.2017).
4. **Курганов Е.** Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Опыт прочтения. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 208 с.
5. **Москвин Е.** Песни на болоте [Электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: <http://www.hrono.info/text/2011/moskv0411.php> (дата обращения: 01.04.2017).
6. **Померанцев Д.** Пригоршня жемчужин [Электронный ресурс] // Литературная Россия. 2012. 27 января. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/5542-oldarchive> (дата обращения: 01.04.2017).
7. **Сизых О. В.** Поэтика современного российского рассказа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 123-129.
8. **Уффельман Д.** Игра в номадизм, или Постколониальность как прием (случай Ильдара Абузярова) [Электронный ресурс] / пер. с англ. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8411> (дата обращения: 01.06.2017).
9. **Хакуашева М. А., Борова А. Р.** Неомифологизм современной адыгской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 23-26.

VICTIMHOOD AND SACRIFICE IN I. ABUZYAROV'S PROSE: DECONSTRUCTION OF MYTHOLOGICAL PLOTS

Amineva Venera Rudalevna, Doctor in Philology, Associate Professor

Nabiullina Adelya Nailevna

*Kazan (Volga Region) Federal University
amineva1000@list.ru; scar-sky@rambler.ru*

The article deals with the functioning of mythological plots about Ibrahim and Ismail and about Cain and Abel in the novels of the modern ethnically non-Russian Russian writer I. Abuzyarov "Kurban-novel" and "The novel with a victim". Structural-content levels are determined at which the theme of sacrifice is revealed: the rite of sacrifice is described; the theme of sacrifice is the main problem of the characters' self-awareness and is transformed into a motive of self-sacrifice, finally, it functions at the level of musical allusions and reminiscences. The conclusion is made about the deconstruction of traditional mythological plots and the connection between the theme of self-sacrifice and the motive of forgiveness.

Key words and phrases: the Russian prose; myth; theme; motive; plot; rite; deconstruction.